

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. А. СЛЮСАРЕВА

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Конец 60 — начало 70-х годов XX в. можно назвать периодом бурного развития теории лингвистической семантики. После более чем тридцатилетних попыток постичь тайны языка, отправляясь от плана выражения, была окончательно осознана тщетность этих усилий и лингвисты обратились к детальному рассмотрению содержательной стороны языка.

Однако, кроме лингвистики, семантика рассматривается также такими науками, как психология (как вариант — психолингвистика) и философия, не говоря уже о логике и некоторых других дисциплинах. Поэтому неудивительно, что повсюду выходят труды, авторы которых стараются определить место этой своеобразной дисциплины, ее границы, предмет и задачи. Не подлежит сомнению, что не кто иной, как лингвисты, должны сказать свое веское, а может быть, даже решающее слово в этой полемике, так как кроме них никто не обладает глубоким знанием тонкостей языка не только как важнейшего средства человеческого общения, но и как непосредственной действительности мысли. И языковеды, как в нашей стране, так и за рубежом, все чаще и чаще публикуют большие и интересные труды, посвященные теории семантики¹.

В современной зарубежной науке о языке наметились по меньшей мере три основных направления, разрабатывающие проблемы лингвистической семантики. Поскольку идеи Н. Хомского нашли очень большой резонанс, назовем первым то, которое восходит непосредственно к нему — труды Дж. Каца и Дж. Фодора, Дж. Лайонза, М. Бирвиша и др. Второе направление представлено учеными, которые строят свои теории на основе критики идей Н. Хомского и его последователей, — Ч. Филлмор, У. Чейф и др. Наконец, последнее (но «last but not least») связано с именами ученых, которые развивают свои концепции, исходя из традиции европейской науки, и представляют соответствующие национальные линии — французскую, итальянскую, немецкую, голландскую и др. В большинстве своем они скептически относятся к формализации в области содержания и тоже критикуют американский вариант семантики.

Труды двух представителей этой группы — Ж. Мунэна (Франция) и Т. Де Мауро (Италия)² — еще не привлекали достаточного внимания наших ученых, а между тем их исследовательская работа в области семантики заслуживает самого пристального наблюдения, ибо их размышления весьма близки ученым нашей страны, а их книги написаны в своеобразном общем ключе.

¹ Интересный обзор некоторых семантических теорий сделан Л. М. Васильевым в работе «Теория значения в лингвистической литературе» (ФН, 1971, 4).

² G. Mounin, *Clefs pour la sémantique*, Paris, 1972; T. De Mauro, *Senso e significato. Studi di semantica teorica e storica*, Bari, 1971 (далее ссылки на стр. этих книг даны в тексте).

Общность обеих работ объясняется прежде всего сходством национальных научных традиций, отраженных в них. Труд Ж. Мунэна, написанный почти через столетие после «Очерка семантики» М. Бреалья, успешно продолжает его линию, представленную А. Мейе, Ж. Вандриесом и другими французскими учеными, рассматривающими язык, с одной стороны, как социальное явление, а, с другой, как знаковую систему.

Концепция Т. Де Мауро сложилась в рамках национальной традиции рассмотрения языка как культурно-исторического явления, идущей от Ж.-Б. Вико к Б. Кроче и А. Пальяро. Обе книги отражают развитие идей их авторов, высказанных в предыдущих трудах³. Сходство двух книг выявляется даже в их структуре: они включают как теоретические главы, так и обширный материал исследований.

В центре внимания обоих авторов находятся проблемы семантической структуризации лексики, и естественно, что в качестве основной единицы анализа выступает слово как языковой знак. Предпосылкой теоретического подхода является теория Ф. де Соссюра и признание расчленения содержательной стороны на существенные (дистинктивные) признаки (франц. *traits pertinents*, итал. *tratti pertinenti*)⁴, а базой рассуждений является то, что «семантический опыт основывается целиком на возможностях человеческих действий»⁵. В этих работах, подобно работам советских ученых А. А. Уфимцевой, В. М. Солнцева и др., анализ содержательной стороны связывается со словом и только со словом. Мы полностью поддерживаем то, что все дальше и дальше в область предания уходят попытки рассматривать морфему в качестве основной единицы системы языка.

Любой исследователь содержательной стороны языка сталкивается прежде всего с двояким определением семантики — как раздела науки и как совокупности объектов исследования. Строгое словоупотребление в этом случае чрезвычайно важно, так как и то, и другое ставит очень большие трудности, прежде всего потому, что, с одной стороны, ни одна другая часть языкознания не испытывает столь мощного соприкосновения с другими науками, а, с другой стороны, ни один объект его не очерчен менее четко.

Де Мауро замечает по поводу семантики как раздела лингвистики, что эта область была мало известна и большинством исследователей была не очень хорошо принята, поскольку после работ школы Блумфила рассматривалась как мало научная (стр. 5). Мунэн тоже отмечает это и добавляет, что исключенная из лингвистики семантика была отдана психологии (бихевиоризм), культуроведческой антропологии (американская школа), логике (Рассел, Карнап и др.) и социологии (Берельсон, Леви-Стросс и др.). Мунэн пишет, что лингвисты замечают разницу между их семантикой и семантикой социологов, у которой все иное: и предмет, и проблемы, и методы анализа и, главное, другие единицы анализа. Нам кажутся весьма верными слова Мунэна: «Начиная с Леви-Стросса,

³ См.: G. M o u n i n, Les problèmes théoriques de la traduction, Paris, 1963; e r o ж е, Clefs pour la linguistique, Paris, 1968; e r o ж е, Introduction à la sémiologie, Paris, 1970; T. D e M a u r o, Introduzione alla semantica, Bari, 1965, а также прекрасные комментарии Де Мауро к итальянскому изданию соссюровского «Курса общей лингвистики» (перевод этих комментариев на французский язык осуществлен в кн: F. de S a u s s u r e, Cours de linguistique générale, Paris, 1972, стр. 319—477).

⁴ Оба автора употребляют преимущественно этот термин, введенный Л. Прието; Ж. Мунэн объясняет, что предпочитает этот термин, так как он подсказывает изоморфизм с фонологией, а другие (сема, семема, фигура плана содержания и др.) ставят под сомнение такой изоморфизм (стр. 122). Думается, однако, что автор не совсем прав, ибо термин «сема» стоит в одном ряду с терминами «фона», «морфа», а «семема» — наряд с «фонема», «морфема».

⁵ T. D e M a u r o, Introduzione alla semantica, стр. 203.

многие социологи думают, что структурная лингвистика в виде ф о н о л о г и и, может быть ведущей дисциплиной. Однако пример самого Леви-Стросса доказывает, что методы структурной лингвистики не могут быть в целом перенесены в социологию» (стр. 34).

Несомненно (и это доказывают обе книги, как и многие другие, вышедшие за последнее время) что настало время отграничения лингвистической семантики от семантики отражения, т. е. области, входящей в ведение философии, логики, психологии и т. п. Совокупность объектов лингвистической семантики — слова каждого конкретного языка и их сочетания с номинативным значением, рассмотренные с содержательной стороны. Семантика отражения должна заниматься, по нашему мнению, возможностью отражения в сознании особенностей реального мира как основы познания, не будучи связанной данными определенных языков, т. е. заниматься анализом содержательной стороны *in abstracto*. Семантика отражения, рассматриваемая со стороны индивида, естественно, отходит к области психологии. Семантика отражения в широком смысле должна составить часть теории познания, т. е. войти в философию. Работы в области лингвистической семантики будут поставлять основной материал для семантики отражения, как в общем оно и было, но без достаточного размежевания областей.

В книгах Мунэна и Де Мауро намечены задачи лингвистической семантики. Де Мауро говорит о наиболее важной и актуальной задаче семантики: «... определить самым удовлетворительным образом значение лексической единицы» (стр. 21), а Мунэн расширяет эту задачу до назначения всей лингвистики, которая должна «... проанализировать, каким образом значение манифестирует содержание, каким образом язык выступает в качестве формы знания, как лингвистическая семантика отражает нелингвистическую семантику логики опыта» (стр. 217). Такая широкая постановка задачи, естественно, заставляет французского ученого еще во введении сказать, что в настоящее время «... в структурной семантике невозможно представить ничего другого, кроме противоречивых гипотез и фрагментов спорных теорий» (стр. 6). Это верно, но, по нашему мнению, задача — каким образом значение манифестирует содержание (смысл) — лишь частично является лингвистической, а задача — каким образом язык выступает в качестве средства накопления, хранения и передачи знания — отходит целиком к области семантики отражения и не является собственно лингвистической. Думается, что смысл как совокупность связей, устанавливающихся в сознании человека в результате его отражательной деятельности, находит выражение в значении слова как категории языка. При этом, анализируя возможности выражения смысла в значении слов (смысл может быть выражен и другими средствами языка), необходимо принимать во внимание два «поправочных коэффициента» — на совокупность опыта данного общества (народа) и на знания и опыт индивида. Составители словарей и переводчики на практике хорошо знают это.

Если определение области науки — семантики — и ее задач вызывает такие трудности, то вполне понятно, что еще большие сложности представляет собой уточнение семантики — как объекта изучения.

По Мунэну, это — структурация содержания мысли, отражающая общую картину человеческого знания, т. е. полная систематизация всех наук и всего опыта данной цивилизации (стр. 63); это, как мы видим, опять-таки далеко выходит за пределы лингвистической семантики. Правда, ниже Мунэн в своей исследовательской работе сужает эту широчайшую задачу до установления существенных (дистинктивных) признаков определенных групп слов.

Определение семантики как объекта опять-таки сближает обе работы, которые вызвали ряд наших размышлений, так как в общем оба ученых занимаются семантической стороной лексики, однако в этом же выявляется и различие обоих исследований.

Де Мауро начинает с теоретического расчленения объекта лингвистической семантики. Во-первых, он вводит два параллельных ряда терминов, исходя из противопоставления языка и речи (о них мы скажем ниже). Во-вторых, в пределах каждого ряда он выделяет общеречевое значение (*significato del discorso*), фразовое значение (или значение абзаца), а также значения предложения, синтагмы и отдельной лексической единицы, находящиеся в иерархическом соподчинении, и в конечном счете основывающиеся на последнем. Поэтому-то и задача лингвистической семантики определяется как изучение значения лексической единицы (стр. 21), с чем можно полностью согласиться.

Вначале термин *significato* («значение; означаемое») употребляется Де Мауро без уточнения, но далее говорится, что сущность (содержание) лексической единицы в свою очередь складывается из четырех типов ценности (*valore*): 1) референциальной, или назывной (способность относиться к области опыта, т. е. выражать отношение «референт — имя»); 2) прагматической, или оценочной на уровне языка (способность выражать отношение говорящего к референту, то самое, что со времени Пор-Рояля называется стилистической ценностью); 3) стилистической или уровневой ценности (способность сигнализировать уровень языка с точки зрения отношения к разговорному языку, техническому, деловому, фамильярному, прозаическому, поэтическому и т. п.); 4) системно-структурной (способность сочетаться с другими единицами в структуре фразы в зависимости от намерений говорящего). Эти ценности рассматриваются как четыре измерения сущности лексической единицы. Далее Де Мауро разделяет термины «смысл», «значение», «означаемое» и «ценность».

Смысл, или значение (*senso o significazione*) носит индивидуальный характер, появляется в каждом акте речи и представляет собой состояние опыта, выявляющееся в звучании, т. е. он соотносим с речью. Значению соответствует означаемое (*significato*), являющееся не конкретной единицей, а классом смыслов (стр. 89). С эвристической точки зрения Де Мауро представляет означаемое как схему соотношения значения и звучания, подчиняющегося эмпирической диалектике, но не метафизике; эту схему, пишет Де Мауро, мы не постулируем, а реконструируем *a posteriori* (стр. 81).

Именно лингвистический знак (слово и ипосема, т. е. морфема), состоящий из означаемого и означающего, будучи членом системы, обладает ценностью (*valore*), эвристически определяемой (а) по отношению конституирующих его элементов и (б) по отношению к другим знакам системы. Де Мауро особо подчеркивает, что изучение ценности ипосем является альфой современной лингвистики (стр. 84), но в своих исследованиях занимается только словами и их содержанием.

Введение ряда импликаций в виде терминов: звук, значение, означающее, означаемое, монема (по Фрею — элемент означающего), ноэма (по Прието — элемент означаемого), знак, ипосема (по Лучиди — минимальный знак, т. е. морфема в распространенной у нас терминологии) — Де Мауро объясняет биологической организацией человека, поскольку его мозг обладает способностью ассоциировать, анализировать, различным образом координировать и запечатлевать выделенные элементы (стр. 85). Построенная таким образом модель языка теоретически стройна, однако, практическое применение ее в целях изучения семантической структуры не подтверждается в исследовательской части книги, написанной скорее в духе традиционной филологии, чем структурной лингвистики.

Подзаголовок книги Де Мауро «Исследования теоретической и исторической семантики» странным образом резко ее разделил: обе части оказались разобщенными. Не возражая против, а, наоборот, поддерживая необходимость исторического рассмотрения лексики и развития значений, все же скажем, что, если в области фонологии и морфологии динамический характер системы языка с трудом удастся показать, то в области лексики, по-видимому, к выполнению этой задачи наука даже не подошла, так как системность лексики с синхронической точки зрения еще вызывает у многих большие сомнения. Сама книга Де Мауро тому блестящий пример, так как в ней приведен анализ слов *класс*, *демократия*, названия д а т е л ь н о г о п а д е ж а (πῶσις δότης) и слов, обозначающих и с к у с с т в о и его критику как некоего технического языка (небольшое семантическое поле, состоящее из 19 существительных, трех прилагательных и одного глагола). Чрезвычайно детальный анализ этимологии всех этих слов, примененных у отдельных авторов (от античности до наших дней), показ роли отдельных лиц во введении этих слов в обиход, анализ статистики использования и дефиниций в разных текстах делают эту часть книги Де Мауро чрезвычайно ценной в культурно-историческом, общепилологическом и лингвистическом отношениях. Разобщенность же с первой частью проявляется в том, что схема терминов, данная в ней, совершенно не используется во второй части. Более того, несмотря на требования четкого разграничения з н а ч е н и я, о з н а ч а е м о г о и ц е н н о с т и при анализе фактического материала, Де Мауро применяет эти слова не строго терминологически, а чаще всего как синонимы.

Между тем как раз в диахронической семантике интересно проследить соотношение значения и ценности (valeur), ибо не только в сдвиге отношений означаемого и означающего проявляются изменения в лексике. Появление заимствованных слов — синонимов приводит не к изменению значения, а к колебаниям в ценности этих слов, что ведет либо к вытеснению одного из слов, либо к их стилистическому размежеванию (примеры тривиальны, поэтому мы их опускаем).

Модель языка, предложенная Де Мауро, еще не стала инструментом изучения языка, и обе части его книги еще не приведены к общему знаменателю. Однако сущность языка такова, что мы можем и должны строить его модели, проверяя их на практике исследований и этим познавая необыкновенный объект общественной практики человека — его язык.

Можно избрать и противоположный путь и идти от исследовательской практики к теории, или совмещать их, чередуя. Последняя возможность как раз и продемонстрирована в книге Муэнэ. Пользуясь в основном традиционной терминологией, он занимается двумя тесно связанными проблемами: системным характером лексики и установлением компонентов значения слов (traits pertinents), в связи с чем он задумывается над методами анализа лексики и проверяет их.

В настоящее время весьма животрепещущим является вопрос, какая из моделей больше подходит к описанию лексики — модель системы или модель поля. Идея Соссюра, что слово не является изолированной единицей, дает возможность предполагать, что репертуар лексических единиц организован и некоторым образом классифицирован и, пишет Муэнэ: «...правила такой классификации и есть то, что называется структуриацией лексики; и ничто другое, и ничего более» (стр. 108). Принципы классификации лексики, несомненно, разнородны, как разнородна и методика анализа, выявляющая их. По-видимому, в свое время термин «поле» не случайно был введен Триром, поскольку в нем, с одной стороны, подчеркивается некоторое отграничение, а, с другой стороны, — своеобразие

внутренней организации предмета. Однако этот термин подсказывает и противопоставление системе, четко выявляющейся в морфологии и фонологии. Мунэн неоднократно ставит закономерный вопрос: «лексика — поле или система?» и пытается выявить изоморфизм всех трех уровней языка на основе установления дистинктивных признаков слов.

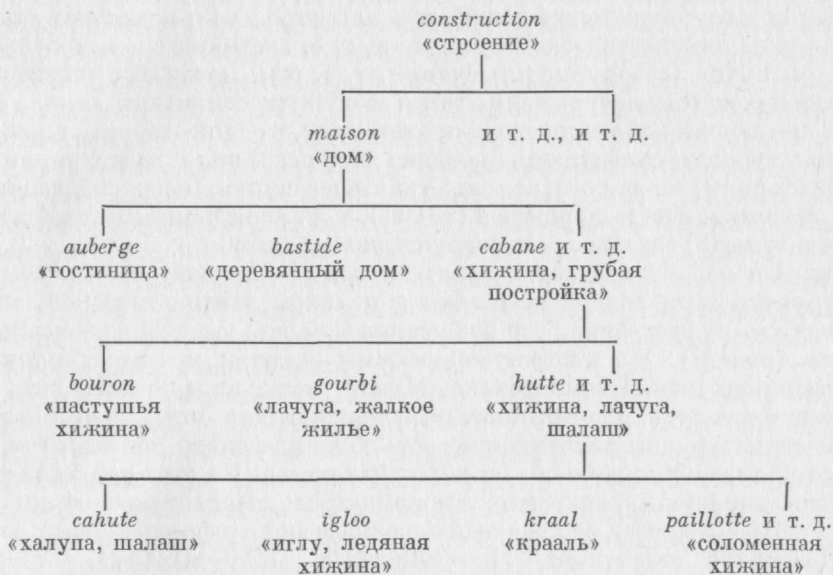
Понятие семантического поля вызывает у Мунэна большие сомнения, поскольку оно не является лингвистическим, а восходит к концептуальной эмпирической сфере, и с этим нельзя не согласиться. Термин «система» по отношению к лексике также вызывает у него сомнения, поскольку Мунэн склоняется к мысли А. Мейе о том, что возможно выделение и изучение как систем лишь малых лексических групп, что выделение системы в лексике сильно отличается от этой процедуры в фонологии и морфологии. Мунэн выдвигает положение, что «в семантике больше, чем где-либо в данной момент, какой-либо прогресс может быть достигнут лишь в работе над конкретными проблемами на материале естественных языков», и приходит к заключению, что «еще не наступило время сбора частичных результатов в пределах удовлетворяющего всех большого синтеза» (стр. 187). Структурация лексики ставится Мунэном в зависимость от выделения мельчайших компонентов значения у отдельных лексических единиц, подобно тому, как в фонологии пучки дифференциальных признаков определяют фонемы. Эта первая предварительная операция оказывается чрезвычайно сложной и проверяется Мунэном и его учениками в ракурсе трех методик.

Он начинает с проблемы определения значения слова по контекстам его употреблений в трудах одного автора, а именно — слова «система» у А. Мейе; одновременно Мунэн хотел выяснить, следовал ли Мейе определению системы, введенному Соссюром. Выводы оказались ошеломляющими, так как Мейе в работах, предназначенных для языковедов, использовал слово «система», ни разу не дав его определения («фонетическая система», «грамматическая система», «система языка» и т. п.). Это не дало возможности понять, в каком значении оно употреблялось, но зато позволило сказать, что Мейе не испытывал влияния «Курса общей лингвистики»⁶. Помимо историко-лингвистической, была решена еще и семантическая задача, которая в свое время достаточно широко дискутировалась под непосредственным воздействием дескриптивной лингвистики, провозгласившей значение функцией дистрибуции. Мунэн думает, что если бы через тысячелетие кто-либо, имея лишь два тома Мейе (*Linguistique historique et linguistique générale*), захотел определить, в каком значении лингвисты XX в. употребляли слово «система», он не смог бы этого сделать. Мунэн пишет, что известная в свое время формула Мейе о том, что смысл слова представляет собой средний результат его использований, была важна в классической филологии, но теперь вполне ясна ее ограниченность. К этому выводу следует присмотреться, так как он подтверждает известное с давних пор интуитивное ощущение того, что слово имеет значение вне контекстов и может быть задано дефиницией.

Этот путь подхода к определению содержания лексической единицы также проверяется Мунэном на материале сравнения всех слов, обозначающих «прибежище, жилище», выбранных из словарей Petit Larousse (1962) и Quillet (1957). Мунэн считает, что дефиниции обычно представляют собой совокупности дистинктивных черт (*traits pertinents*), например, *paillotte* «соломенная хижина» определяется тремя чертами: [cabane — «хижина»] + [из соломы] + [в теплых странах], а слово *cabane* опреде-

⁶ Ср.: Н. А. С л ю с а р е в а, Критический анализ лингвистической концепции Ф. де Соссюра. Докт. диссерт., М., 1969.

ляется двумя чертами [*maison* «дом»] + [грубая постройка] и т. п. Общая картина такой структуризации лексики может быть представлена в виде дерева типа (стр. 114):

Интересно отметить, что деревья, построенные по описанному принципу для двух словарей, оказались не изоморфны, главным образом из-за того, что, как выяснилось, в словаре Ларусс использовались четыре первичные дистинктивные черты, а в словаре Кийе — всего две, а эти первоначальные черты в свою очередь по разному определяли лексические единицы. Так, например, на основе слова *maison* «дом» в словаре Ларусс определено 29 слов, а в словаре Кийе — 23, причем из них лишь 16 являются общими. Таким образом, выявляются многочисленные, иерархически организованные оппозиции, которые интуитивно хорошо известны каждому и которые помогают разлагать означаемое на более мелкие единицы значения, что дает возможность структурировать лексику не по означающим, а по семам, входящим в определение лексических единиц, т. е. проводить формальный анализ. Мунэн обрисовывает и ряд трудностей этого пути анализа: ограниченность рамками определенной области лексики, наложением разных подсистем друг на друга (например, слово «монастырь» относится и к подсистеме «жилище» и к подсистеме «религиозные постройки»), сложность установления иерархии дистинктивных черт («интернат» — «место жительства, где и учатся» или «место учения, где и живут»). В заключение тщательнейшего и весьма интересного анализа Мунэн ставит основной вопрос: является ли лингвистической реальность подобной структуризации? (стр. 127). Однако прямого ответа в его книге мы не находим.

Уместно обратить внимание на то, что перечисляемые Мунэном дистинктивные признаки — тип сооружения, характер постройки, назначение постройки, место постройки и т. п. — несомненно не являются лингвистическими, а относятся к семантике отражения. Вследствие этого семантическая структуризация составляет предмет и задачи, выходящие за пределы лингвистики, тогда как лексическая структуризация в пределах каждого конкретного языка составляет одну из задач науки о языке. Семантические признаки, группируясь различным образом в разных языках,

образуют содержание лексических единиц, подобно тому, как фонетические (акустические и артикуляторные) признаки составляют единицы фонологического уровня — фонемы, устанавливаемые для каждого отдельного языка. Строгое (по возможности) разграничение лингвистической семантики и семантики отражения, предлагаемое нами, позволяет сказать, что единицы лингвистической семантики, т. е. значения слов, представляют собой пучки (совокупности) единиц, т. е. сем, которые относятся как к области семантики отражения, так и к области семантики языка. Трудности определения значений слов проистекают, с одной стороны, из-за того, что структурация семантики отражения покоится пока на интуиции, а, с другой стороны, из-за того, что слово как член системы языка обладает, помимо значения, еще и ценностью (*valeur*), т. е. реляционными свойствами, которые тоже связаны с перегруппировкой сем.

Таким образом, предлагая ответ на вопрос Мунэна, мы скажем, что эта структурация, хотя и не является целиком лингвистической, тем не менее столь существенна, что без нее невозможно выделение лексических пластов (полей?). Но построение системы лексики по этому принципу действительно весьма сомнительно. Мунэн, прекрасно понимая это, пробует еще один путь. Третий цикл исследований для определения возможностей структурации лексики проведен тоже на основе понятия семантического поля, но выделенного по корпусу текстов. На этот раз были взяты названия домашних животных, выбранные из шести томов серии «*Que sais-je*» («Что я знаю»), отражающих среднюю норму французского языка: I — «Домашние животные», II — «Лошадь», III — «Пчелы», IV — «Общества животных, общества людей», V — «Названия растений», VI — «Происхождение культурных растений». По этому корпусу — около 200 000 слов текста — была установлена частотность исследуемых слов, естественно, колеблющаяся в зависимости от содержания тома (в V томе она равна 0). Первая проблема, которая встает перед исследователем — это проблема отграничения данного поля. Мунэн пишет в связи с этим: «Настаивать на том, что семантическое поле не определимо при помощи чисто лингвистической процедуры, это не то же самое, что отказываться от обращения к смыслу при лингвистическом анализе» (стр. 131). И добавляет, что эту исходную позицию нельзя забывать: «... когда мы объединяем означающие *лошадь, конь, кобыла, жеребец, жеребенок* в пределах одного поля, мы делаем это исключительно на основе нелингвистического опыта, так как осознаем биологическое отношение между соответствующими означаемыми» (там же).

Выделив данное семантическое поле на основе, как бы мы сказали, семантики отражения, Мунэн затем переходит к установлению оппозиций слов в пределах данного поля, сосредоточив анализ на более узком поле «сельскохозяйственные животные» (*les animaux de la ferme*). Такое ограничение вызвано тем, что попытки работать в более широких пределах все время выводили за пределы лингвистики, как, например, в оппозициях: домашние животные/дикие животные; домашние/прирученные; домашние/полудикие; домашние/полудомашние; домашние/одичалые и т. п. Анализ по дефинициям тоже мало помог, так как дефиниция «домашние = прирученные» (словарь Larousse) позволяет включить *обезьян*, но не *кроликов*; дефиниция «домашние = живущие вблизи человека» (словарь Quillet) позволяет включить *белых мышей, черепах* и т. п. Научные дефиниции тоже мало что дали, так как «вскормленные человеком» и «полезные для человека», как замечает Мунэн, подходят и к *культурам микробов*.

Мунэн делает вывод, что общая совокупность существующих в мире и осознаваемых связей далека от полной лексикализации, с одной сторо-

ны, из-за того, что жизнь развивается быстрее лексики, а, с другой стороны, произвольность знака покрывает весьма различные явления, и слушающий в определенной ситуации понимает, к чему относится данный знак (когда говорят, например, о *домашнем слоне* или о *прирученной белке*). Таким образом, заключает он: «понятие *домашние животные* является эмпирическим, а его сложная логическая структура является продуктом длительной истории и не совпадает строго ни с языковым использованием, ни с совокупностью животных, определяемых по пяти (зоологическим.— Н. С.) критериям» (стр. 144). Отсюда Мунэн делает вывод, что нет строгих границ у семантического поля.

Все это заставляет Мунэна сказать, что концептуальное поле не покрывается полностью лексическими единицами и что следует отказаться от применения термина «поле» а priori и вернуться к понятию системы, доказав, что правила, по которым строится фонетическая и морфологическая системы, действительны и для семантической структуризации лексики, а семантическое поле может определяться а posteriori как совокупность взаимосвязанных семантических систем.

Для этого из общего поля «домашние животные» было взято не вызывающее сомнений поле «сельскохозяйственные животные» (*les animaux de la ferme*), члены которого отвечали определению типа «осел — это домашнее животное, так как с давних пор воспроизведение этого вида происходит обычно под наблюдением человека». Таким образом, соблюдается двойная процедура: логика дает дефиницию, а лингвистика обеспечивает возможность коммутации (стр. 148).

Все возможности коммутации Мунэн связывает с определением по семи дистинктивным признакам, установленным, естественно, на базе биологических данных и сведенных в таблицы:

- 1) A (m) — есть мужская особь вида A
- 2) A (e) — есть женская особь вида A
- 3) A (j) — есть детеныш A (e) и A (m)
- 4) A (n) — характер помета детенышей у A (e)
- 5) A (p) — название процесса рождения детенышей у A (e)
- 6) A (c) — название специфического крика у A
- 7) A (l) — название особого места, где укрываются (живут) A.

Такие таблицы позволяют создать подлинную структуриацию, члены которой представляют собой парадигмы, т. е. системы, коррелирующие друг с другом, и, следовательно, каждая единица, входящая в ее состав, отличается только одним дистинктивным признаком, как в фонологии. Такое распределение дополняет возможности деривационного поля (типа *осел — ослица*), так как покрывает пустые клетки последнего (типа *бык — корова*), но и тут остаются незаполненные места при отсутствии, например, особых наименований для детенышей и т. п. Эти аномалии разъясняются лишь в диахронии и позволяют сказать, что биология не является единственным принципом структуриации в данной области лексики.

Другой принцип Мунэн называет зоотехническим. Различие: *sanglier — laie — marcassin* («кабан — кабаниха — кабаненок») и *rat — rate — raton* («крыса-самец, крыса-самка, крысенок»), с одной стороны, и отсутствие различия у слов *ласточка, голубь*, с другой, по его мнению связано с тем, что мы не разводим птиц, называемых этими словами и не используем их; точно так же возникают и слова, связанные с воспроизведением животных (русс. *ожеребиться, окотиться, оягниться*), с уходом за животными (ср. русск. *покрыть, скрестить, супоросая свинья*), с их размещением (ср. русск. *конура, стойло, овчарня*).

Еще одно семантическое поле связано с продажей: *poussin d'un jour* — «однодневный цыпленок» и т. п.; еще одно поле явно выделяется —

наименование мяса домашних животных: *молочный поросенок и теленок* (*du cochon du lait, du veau du lait*), *телятина, говядина* и т. п.

И, наконец, последнее поле связано с кухней из мяса домашних животных: *poule au riz* — «курица с рисом», *coq-au-vin* — «петух в вине», *poulette* — «курица под белым соусом» и т. п. Помимо этого, существуют еще обобщающие лексические единицы типа *cheptel, basse-cour* (ср. русск. скот, домашняя птица)⁷.

Анализ указанных семантических полей позволяет Мунэну сказать, что и формула Мартине, выдвинутая им в 1958—1960 гг. о том, что слово не имеет никакого значения вне контекста, может в настоящее время лишь парализовать исследования. В этом нельзя с ним тоже не согласиться.

В результате анализа трех подходов к структуризации лексики Мунэн приходит к оптимистическому и совершенно справедливому выводу, что, несмотря на трудности, подобные исследования необходимо продолжать, так как только при помощи тщательного изучения «малых групп лексики» (Мейе) можно проверить, системна ли лексика, и «если, напротив, однажды раскроется истина, что между формальной лингвистикой, с одной стороны, и семантикой, с другой, существует теоретически непреодолимая пропасть, и то, что лингвистика не может считаться единой наукой, то в целом наука о языке не только ничего не потеряет, но сделает шаг вперед» (стр. 160).

Думается, что существующая пока «пропасть» между формальной лингвистикой и семантикой кажется непреодолимой вследствие недостаточной разработанности последней. Асимметричность двух планов — содержания и выражения — осложняется, как известно, вследствие туманных границ первого. Тем не менее, напрашивается необходимость разграничения семантики отражения, которая является базой для выделения семантических (концептуальных) полей, и лингвистической семантики, которая в пределах каждого языка обуславливает структуризацию лексики и связана с тем, что И. А. Бодуэн де Куртене называл «языковым мышлением».

Семантика отражения в качестве крупнейших единиц оперирует результатами отражения в сознании людей объективно существующего мира, так сказать базовыми понятиями, которые сформировывались на протяжении истории человечества. Поиск сем (семантических множителей, семантических функций), общих для ряда языков, по-видимому, направлен именно в эту область, хотя создается впечатление, что раскрываются мельчайшие единицы значения. В этом проявляется диалектика познания: чем меньше семантическая единица, тем больше ее объем, тем универсальнее она реализована в языках; противопоставление «самец — самка — детеныш» выступает в качестве выявления минимальных семантических признаков, но всеобъемлюще как категории, свойственные животному миру, включая человека. Это противопоставление неоднозначно реализуется в языках, использующих весь арсенал номинативных средств: то это деление не выявляется совсем (например, русск. *ласточка*), то выявляется в двумерной оппозиции (например, *голубь — горлица*), причем одно из слов является одновременно родовым наименованием, то используются дополнительные морфологические средства (англ. *she-goat, he-goat*) и т. п. При общности чередований основного времени приема пищи в русском языке противопоставляются *завтрак — обед* —

⁷ Последние примеры показывают отсутствие различия в русском и французском языках, поскольку культура народов развивалась в тесном взаимодействии, что еще раз подтверждает необходимость противопоставлять общность семантики отражения и специфику семантики отдельных языков.

ужин (устарев. полдник), а в английском языке *breakfast — lunch — dinner — supper* (не говоря уже о разном характере количества и качества еды), т. е. сказываются национальные традиции и обычаи. Это позволяет еще раз обратиться к проблеме «поправочных коэффициентов» и при анализе семантики отражения. Что же касается лингвистической семантики, то поправка может быть сделана также на степень знания языка говорящим.

Обе книги, обзор которых составил большую часть нашей работы и позволил высказать некоторые соображения о лингвистической семантике⁸, представляют собой, говоря словами Мунэна, лишь «ключи к передней, через которую можно пройти в семантику» (стр. 5). Следует также согласиться и с общим его выводом о том, что «... семантика еще ждет своего Соссюра или своего Трубецкого» (стр. 64).

⁸ См. также: Н. А. С л ю с а р е в а, Вместо глубинной структуры — семантика отражения и лингвистическая семантика, «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры в языке“», МГПИИЯ им. М. Тореца—Институт языкознания АН СССР, М., 1972, стр. 36—37.